

Замок тихо щёлкнул.

В полумраке, против бьющего из окна света, Лингуан нехотя разомкнул веки, и в тени тускло блеснул его алый взор. Опершись подбородком на руку, он небрежно закинул ногу на ногу. Облегающие кожаные штаны очерчивали силуэт, а туго затянутая на груди портупея подчёркивала статную фигуру. В его холодном прищуре читалась повадка хищной птицы, готовой в любой миг сорваться на охоту.

Дикий, ледяной — от него веяло угрозой куда более явной, чем от блеска обнажённой стали.

Он недоверчиво покосился на дверь:

— Кто там?

— Наверное, ветер... — Юэ Чжао вдруг содрогнулся, с его губ сорвался сдавленный стон.

Божественное пламя терзало его изнутри с такой силой, что он взмок, будто его только что вытащили из воды. Ему оставалось лишь бессильно прильнуть к коленям Лингуана, ища опоры.

Словно загнанный оленёнок, он умоляюще смотрел на своего пленителя сквозь пелену выступивших слёз. Вот только Юэ Чжао вовсе не молил о пощаде. Им двигало иное — жажда крупницы тепла, ради которой он послушно ластился к Лингуану.

Мазнув по двери насмешливым взглядом, Юэ Чжао чуть приподнял подбородок. Этот жест обнажил его изящную, белую как у лебедя шею. Горло судорожно дрогнуло, и лихорадочный румянец пополз ниже, скрываясь под воротом.

— А-Лин... — прошептал он, придвигаясь ближе и прижимаясь щекой к расслабленной ладони Лингуана.

Лингуан нахмурился. Вид измождённого, лихорадочно горящего юноши удержал его от того, чтобы отнять руку. Но он всё же раздражённо цыкнул и принялся нетерпеливо барабанить пальцами по подлокотнику кресла.

— Я же предупреждал: когда Божественное пламя выжигает грехи, боль невыносима. Нечего было лезть на рожон.

Лингуан и сам не понимал, с какой стати Юэ Чжао приспичило просить о помощи прямо посреди рабочего дня, а уж тем более — почему он сам так легко на это согласился. С другой стороны, если хочешь очиститься от скверны, без страданий не обойтись.

В конце концов, они просто друзья, и Лингуан ему не мамочка. Убедившись, что тот идёт на это

осознанно, отказывать он не стал. А что теперь Юэ Чжао корчится от боли и на ногах не держится — так сам виноват.

— Терпи, — отрезал Лингуан.

Проявив хладнокровие, он высвободил руку из цепких пальцев Юэ Чжао, безразлично отвернулся и углубился в изучение лежащих на столе документов. Тонкая алая нить, повязавшая его запястье, словно струйка крови, неуместно дразнила взор, привнося во всю сцену едва уловимый оттенок интимности.

На краю стола лежал надкушенный духовный плод, на который Лингуан даже не обращал внимания. Зато взмокший от пота Юэ Чжао проводил его довольным взглядом. Щурясь от накатывающей слабости, он взял плод и принялся неторопливо смаковать, прижимаясь губами точно к тому месту, где остался след от зубов Лингуана.

С серебряными растрёпанными волосами, в одном тонком белом исподнем, он ничуть не выглядел жалко. Напротив, в его высоком, крепком силуэте угадывалась грация белого журавля — изящная и неземная. Черты его лица сочетали в себе божественную отрешённость и вековую скорбь, и даже мягкая улыбка не могла скрыть сквозящего в глубине глаз холодного, нечеловеческого равнодушия.

Но стоило ему взглянуть на Лингуана, как его янтарный взор, обычно столь бесстрастный, разгорался жарким пламенем, а на лице распускалась нежная, почти осязаемая привязанность.

Лингуан, впрочем, упрямо делал вид, что ничего не замечает. Обычно скорый на резкий отпор, сейчас он просто с головой ушёл в работу, полностью игнорируя то, как чужое тело тяжело навалилось на его колени.

Лишь под конец рабочего дня Лингуан наконец поднялся и бесцеремонно встряхнул Юэ Чжао, заставив того встать. Мужчина, который был на полголовы выше его самого, воззрился на него с самым невинным видом. Лингуан устало потёр виски — в голове нарастала странная, тяжёлая одурь.

— Всё, рабочий день окончен. Расходимся по домам.

Очистительное пламя оставило Юэ Чжао изнеможённым. Лицо его было бледным как пергамент, а губы, прежде яркие, точно цветы персика, теперь отливали едва заметной розой увядающей груши. Выглядел он из рук вон плохо. Ломота от ожогов Божественного пламени всё ещё гнездилась в самых костях, но Юэ Чжао и не думал отступать.

Пользуясь моментом, он жалобно заглянул другу в глаза:

— А-Лин, побудь со мной ещё немного... У меня совсем не осталось сил, чтобы добраться до дома.

На его измождённом лице застыло такое сиротливое выражение, что отказать ему казалось кощунством. Когда они вышли в приёмную, сотрудники секретариата при виде его шатающейся походки невольно прониклись к нему сочувствием.

Но сердце Лингуана оставалось глухо к чужим бедам.

— Сил нет дойти, говоришь? — переспросил он.

Юэ Чжао согласно кивнул. Тогда Лингуан просто поманил пальцем одну из сотрудниц:

— Сяо Сунь, проводи господина Юэ до дома. Время запиши как сверхурочные.

Девушка-сокол радостно закивала и мигом прибрала свой стол — перспектива подработать её явно воодушевила. Она услужливо подскочила к мужчине:

— Господин Юэ, вам нехорошо? Давайте я вас придержу!

Едва зародившаяся на губах Юэ Чжао улыбка мгновенно окоченела. Пока его плотным кольцом окружали заботливые девицы из приёмной, Лингуан уже успел раствориться в коридоре.

На ходу Лингуан размышлял о том, что в последние дни его разум будто застилает туман. Списав всё на банальный недосып, он решил, что стоит срезать пару веточек дерева Дисю и воскурить их перед сном.

Он шагал стремительно, едва достаивая мимолётным кивком коллег, которые то и дело заискивающе здоровались с ним. Полы его длинного плаща звучно хлопали на ветру.

Оседлав свой звездный челнок «Синее пламя», он крутанул ручку газа. Реактивная струя взревела, и аппарат свечой ушёл в небо. Буквально через десять минут Лингуан уже глушил двигатель у ворот собственного дома.

Возле ворот белела чья-то фигура. Незванный гость в аккуратном белом костюмчике и широкополой шляпе с вуалью замер на корточках, напоминая придорожный булыжник.

Лингуан легонько ткнул его носком сапога:

— Дорогу освободи. Чего ты тут караулишь?

Бай Чанфэн, несмотря на столь прохладный приём, лишь весело фыркнул. Из-под колышущейся белой кисеи блеснули его живые глаза. Не переставая балагурить, он проскользнул в дом следом за хозяином.

— Да я это, на главную планету возвращаюсь. Решил вот заскочить, предупредить, — затараторил он без умолку, точно заведённая трещотка. — Сегодня же ночью отбываю. Перед уходом Сюань Юнь прямо-таки заставил меня заглянуть к тебе. Хотя, как по мне, ты цветёшь и пахнешь! Только вот в гости нас совсем звать перестал. Сюань Юнь вечно разводит панику на пустом месте. Подумаешь, сидишь дома безвылазно, возишься со своим покойничком, режешься в приставку — что тут такого? Ой, только Сюань Юню ни слова, а то занудствовать начнёт, замучает нотациями... А, да, и ещё кое-что...

Бай Чанфэн загнул один за другим пальцы, силясь вспомнить, не забыл ли чего. Заметив, что Лингуан молчит и никак не реагирует на его болтовню, он притих, боком протиснулся вперёд и приподнял край шляпы. Его обычно смешливое лицо сейчас выглядело на редкость серьёзным. Даже в голосе его пропали привычные легкомысленные нотки:

— Послушай, Лингуан. Мы с тобой братья. Если у тебя стрясётся какая-то беда, я, даже если мне обе ноги переломают, на одних руках с главной планеты приползу, чтобы тебя прикрыть. Слышишь меня?

— Понимаешь?

Лингуан вяло отмахнулся:

— Понимаю, понимаю.

— А раз так, сделай милость, отойди на шаг, — он показал гостю блюдце и кухонный нож.

Бай Чанфэн тут же отпрянул:

— Легко!

— Только зачем тебе нож? Ты теперь вместо нормальной еды деревяшками питаешься?

— Сплю плохо в последнее время, — бросил Лингуан. — Хочу благовония сделать.

Осторожно ведя лезвием по сухой ветви дерева Дисю, он принялся соскабливать тонкую стружку на тарелку.

Бай Чанфэн насупился. Видя, что друг полностью поглощён своим занятием и не обращает на него внимания, он недовольно скрестил руки на груди:

— И это вся твоя реакция? Ну ты и сухарь!

— Какая чёрствость! Разве так встречают преданных соратников?

Лингуан отложил нож и блюдо, шагнул к нему и крепко, без лишних слов, обнял:

— Спасибо тебе. Я ценю это, правда.

Но стоило Лингуану проявить хоть каплю искренности, как на лице Бай Чанфэна отразился неподдельный ужас. Словно встретившись взглядом с выходцем с того света, он поспешно отшатнулся на пару шагов. Судя по его испуганному виду, трогательный порыв прошёл мимо цели.

Лингуан мгновенно увял, уши его запылали от смущения. Разозлившись, он сжал кулаки и ринулся на приятеля:

— Да что с твоим лицом?! Сам же только что распиался про братские узы!

— Да ты просто никогда со мной так по-человечески не разговаривал! — завопил тигр, уклоняясь от ударов. — Это же форменное издевательство! Психологическое насилие! Ты меня приучил к пинкам, а теперь обниматься лезешь!

— Как будто сам ты ангел во плоти! — рявкнул Лингуан, пытаясь поймать его за шкурку.

Бай Чанфэн вопил во всё горло. Сметя хвостом пару диванных подушек, он прямо на лету перекинулся в огромного белого тигра, ловко сиганул через подоконник и в мгновение ока скрылся в саду.

«Спасение бегством увенчалось успехом!»

Эта мысль весело крутилась в его кошачьей голове.

Нарезав пару кругов вокруг квартала, чтобы выплеснуть избыток энергии, тигр притормозил неподалёку от ворот Лингуана. Он улёгся на траву, раздумывая, стоит ли зайти ещё раз — на этот раз попрощаться нормально.

От нерешительности он принялся перебирать лапами, переминаясь с боку на бок, а его хвост беспокойно так и ходил туда-сюда, подметая дорожку. Пока он сомневался, у ворот появилась

высокая фигура в чёрном.

Бай Чанфэн мгновенно насторожил уши. Повинуясь звериному чутью, он припал к земле и бесшумно заполз в густые кусты, затаившись.

Незнакомец протянул руку к звонку. Через секунду дверь распахнулась, и на порог выскочил Лингуан. Волосы его после недавней шутливой потасовки стояли дыбом, а кулаки были сжаты — он явно горел желанием продолжить прерванную драку.

Стоило Лингуану бросить взгляд в сторону кустов, как тигр инстинктивно вжал голову в плечи. А когда он вновь осмелился высунуть нос, у крыльца уже никого не было. Дверь захлопнулась, увлекая обоих внутрь дома.

Бай Чанфэн озадаченно почесал задней лапой за ухом, покрутил головой. Он ещё долго вглядывался в тёмные окна коттеджа, но, поскольку изнутри не доносилось ни звуков борьбы, ни криков о помощи, а время до его рейса неумолимо таяло, он нехотя поднялся и зашагал прочь, тихо шурша когтями по гравию.

Юэ Чжао и не подозревал, сколь близко был к непредвиденному знакомству с чужими родственниками. Он стоял на крыльце, держа в руке увесистый пакет с отборными духовными плодами. Вылетевший ему навстречу Лингуан походил на рассерженного дикого кота, у которого шерсть встала дыбом прямо посреди драки.

Разглядев на пороге Юэ Чжао — этого неисправимого ящера, — хозяин дома попытался взять себя в руки, но всё же не удержался от ворчливого:

— Тебе чего?

С точки зрения Лингуана, для одного дня дружеского общения было более чем достаточно, и новые встречи в его планы не входили.

Столь холодный приём заставил гостя поникнуть. Он уставился на Лингуана влажным, полным немого укора взглядом янтарных глаз:

— Неужели ты совсем мне не рад, А-Лин?

— Я просто хотел разделить с тобой ужин, — он бережно достал из пакета крупный спелый плод и протянул его Лингуану.

«Какой еще, к черту, ужин!»

Лингуан едва не выругался мысленно. Его взъерошенные алые пряди торчали во все стороны, вызывая у него противное ощущение, будто перья на крыльях вздыбились против роста. Всё его существо так и кричало о неправильности происходящего.

Однако стоило ему взглянуть на протянутый плод, как его по-птичьи зоркий, пламенеющий взор заволокло странной полупрозрачной дымкой. Голос Юэ Чжао донёсся до него словно издали, сквозь пелену одури:

— Поужинай со мной, А-Лин.

Поколебавшись мгновение, тот тихо добавил:

— Пожалуйста.

—... Юэ Чжао поужинает со мной, — эхом отозвался Лингуан.

Его рука на секунду зависла в воздухе, но затем он послушно принял угощение. Стоило ему сделать первый укус, как злость на удравшего тигра бесследно испарилась. Лингуан молча отступил в сторону, позволяя гостю беспрепятственно войти в дом.

На губах Юэ Чжао промелькнула едва заметная торжествующая улыбка. Он мягко обнял Лингуана за плечи, увлекая за собой в глубь прихожей, и носком туфли притворил за собой тяжёлую дверь. Его шелковистые тёмные волосы рассыпались по плечам, создавая резкий контраст с белизной одежд. В каждом его жесте сквозила утончённая грация прекрасного журавля.

Под потолком вспыхнула люстра, заливая гостиную ровным тёплым светом. В этих лучах Юэ Чжао казался сошедшим с небес божеством — безупречным и ослепительно прекрасным.

Лингуан обернулся. Юэ Чжао, подперев подбородок ладонью, мягко улыбался ему. В его лучистом, ласковом взгляде не было и следа прежней тоски — лишь чистая, бездонная нежность. Казалось, перед этим сиянием послушно отступает любая тьма.

Лингуан попытался подавить нарастающую внутри безотчётную тревогу. Ему чудилось, будто из неосвещённых углов за ним наблюдает нечто чуждое. Что-то липкое, тяжёлое и пугающее. Взгляд этот был предельно сосредоточенным и нёс в себе смертельную угрозу.

Однако, сколько бы он ни вглядывался в полумрак гостиной, ничего подозрительного обнаружить не удавалось. И всё же древний, первобытный инстинкт птицы-хранителя продолжал бить в набат.

Вот только было уже слишком поздно. Он сам, своими руками, впустил чудовище за порог.

Безжалостный хищник прикинулся кротким, беззащитным созданием, без труда проник в логово своей жертвы и теперь, затаившись в тепле её очага, медленно обнажал клыки. Причудливые тени змеились по углам, уползали под мебель и поднимались по стыкам стен, забираясь в малейшие щели. Медленно, дюйм за дюймом, они оплетали дом невидимой паутиной, затягивая петлю вокруг ничего не подозревающего хозяина.

<http://bllate.org/book/20308/2213356>